



Князь А. Н. Голицынъ и его церковно-государственная дѣятельность.

(Продолженіе ¹⁾).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Князь Голицынъ, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, и важнѣйшія событія изъ исторіи русской церкви въ его оберъ-прокурорство.

При вступленіи князя А. Н. Голицына въ должность синодальнаго оберъ-прокурора въ Св. Синодѣ засѣдали четыре архіерея и два протопресвитера. Первоприсутствующимъ былъ Амвросій ²⁾, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, членами: Павелъ. архіепископъ ярославскій, Ириней, архіепископъ псковскій и Варлаамъ, изъ рода князей Эристовыхъ, архіепископъ грузинскій. Протопресвитеромъ Московскаго Благовѣщенскаго собора и царскимъ духовникомъ былъ Исидоръ Петровичъ, а другимъ протопресвитеромъ—оберъ-священникъ и начальникъ „армейской семинаріи“ (устроенной при императорѣ Павлѣ для образованія полковыхъ священниковъ) Павелъ Озерецковскій.

Первенствующій членъ Св. Синода, митрополитъ Амвросій (Подобѣдовъ), возведенный на петербургскую кафедру еще при императорѣ Павлѣ Петровичѣ на мѣсто уволеннаго на покой въ Новгородѣ митрополита Гавріила, стоялъ во главѣ тогдашняго церковнаго управленія. Старѣйшій изъ святителей того времени, московскій митрополитъ Платонъ (Левшинъ), по Высочайшему соизволенію первенствовавшій при коро-

¹⁾ См. Труды Академіи 1899 г. м. октябрь.

²⁾ См. о немъ „Странникъ“ 1860 г., май—іюнь Ср. „Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1867 г., кн. I.



націи императора Александра I¹⁾), какъ и въ первоприсутствованіе Гавріила, держался постоянно въ тѣни и не принималъ замѣтнаго участія въ дѣлахъ высшаго духовнаго управленія, хотя и числился членомъ Синода. Митрополитъ Амвросій, по отзыву извѣстнаго оберъ-прокурора Св. Синода А. А. Яковлева 2). „расположенъ былъ къ мягкосердечію и искренности“. При этомъ онъ былъ человѣкъ аккуратный и исполнительный, очень дѣятельный и ловкій, держалъ себя съ тактомъ и обладалъ счастливою въ его положеніи способностію приспособляться къ современному положенію вещей и устроить въ интересахъ духовнаго вѣдомства связи съ сильными міра сего. „Амвросій,—говоритъ Вигель,—умѣлъ соединять уступчивость придворнаго человѣка съ достоинствомъ верховнаго пастыря церкви“ 3). Если вѣрить Яковлеву, „многосвѣдущій“ въ другихъ дѣлахъ ярославскій архіепископъ Павелъ (Пономаревъ) и отличавшійся выдающеюся кабинетною ученостію и вмѣстѣ кроткій и добрый Ириней (Клементьевскій). архіепископъ псковскій, въ качествѣ членовъ Синода, почти не

¹⁾ „Въ іюлѣ (1801 г.) государь призвалъ оберъ-прокурора Св. Синода (графа Д. И. Хвостова) и объявилъ ему, что коронація будетъ въ Москвѣ въ сентябрѣ, и чтобы онъ, предвара о семъ Св. Синодъ, сообщилъ митрополиту Амвросію, что и онъ можетъ туда ѣхать, только бы не мѣшалъ Платону, тамошнему митрополиту, первенствовать при священномъ обрядѣ коронаціи: „Я помню,—присовокупилъ государь,—что при Батюшкѣ происходило между тѣмъ же Платономъ и Гавріиломъ“. Оберъ-прокуроръ, зная мудрую кротость нравовъ митрополита Амвросія, увѣрилъ государя, что онъ конечно не воспрепятствуетъ старику, бывшему своему начальнику и покровителю, имѣть счастье короновать государя императора. Сіе,—продолжаетъ Хвостовъ,—такъ и случилось, ибо Амвросій былъ съ Синодомъ при коронаціи, служилъ въ тотъ самый день (15 сентября) обѣдно вмѣстѣ съ митрополитомъ московскимъ, предоставивъ ему витѣйствовать при всѣхъ аудіенціяхъ, а самъ по порядку председательствовалъ въ Св. Синодѣ“ („Исторія Россійской академіи“ М. И. Сухомлинова, стр. 539 въ „Сборникѣ Академіи Наукъ“, т. XXXVII).

²⁾ Яковлевъ оставилъ послѣ себя Записки, полное заглавіе которыхъ слѣдующее: Журналъ Яковлева, бывшаго въ Синодѣ Оберъ-Прокуроромъ съ 1 января по 7 октября 1803 года и съ слѣдующими обстоятельствами, или исповѣдь честнаго человѣка, пострадавшаго за вѣрность къ своему Государю, начертанная единственно для собственнаго напоминанія“ (См. Памятники новой русск. исторіи“, изд. Базунова, т. III).

³⁾ „Записки Вигеля“, ч. VI, гл. 3, стр. 36.



входили въ высшія дѣла синодальнаго управленія и не мѣшали митрополиту Амвросію быть между ними виднымъ и властнымъ руководителемъ. О Варлаамѣ, архіепископѣ грузинскомъ, оберъ-прокуроръ Яковлевъ отзывался, какъ о „безмолвномъ“ предъ Амвросіемъ членѣ Синода, жившемъ въ Невскомъ монастырѣ на содержаніи у митрополита и, по невѣденію русскаго языка, во все время присутствованія (1801—1808 г.г.) „не отверзавшемъ устъ“. Духовникъ Исидоръ Петровичъ былъ человекъ мягкій, но престарѣлый и постоянно больной, во всемъ соглашался съ митрополитомъ. Павелъ Озерецковскій—родной племянникъ Амвросія. Съ дядей своимъ, по словамъ Яковлева, онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ, но потомъ между ними произошла размолвка, и Озерецковскій вышелъ изъ Синода.

При такомъ личномъ составѣ св. Синода голосъ митрополита Амвросія имѣлъ безусловно рѣшающее значеніе. Ближайшій предшественникъ князя Голицына по синодальной оберъ-прокuratorѣ А. А. Яковлевъ (характеристики котораго современныхъ ему членовъ Синода приведены нами), человекъ энергическій и съ деспотическимъ характеромъ, горячій поборникъ законности и государственнаго интереса, никакъ не могъ помириться съ господственнымъ положеніемъ въ Синодѣ митрополита Амвросія и очень скоро разошелся съ нимъ. Въ качествѣ первенствующаго члена Амвросій испрашивалъ у государя награды синодальнымъ членамъ и чиновникамъ, велъ по дѣламъ духовнаго управленія сношенія съ министрами и другими правительственными лицами, назначалъ и перемѣщалъ архіереевъ и настоятелей важнѣйшихъ монастырей, распоряжался синодальными суммами и имѣлъ въ своемъ ближайшемъ подчиненіи оберъ-секретарей Синода. По „Инструкціи синодальному оберъ-прокурору“ отъ 13 іюня 1722 года, многія изъ этихъ обязанностей относились къ кругу его правъ и обязанностей, и потому Яковлевъ рѣшился возстановить свои права. Митрополитъ не хотѣлъ уступить притязаніямъ оберъ-



прокурора и стать въ зависимое отъ него положеніе. Яковлевъ приписалъ неуступчивость митрополита Амвросія желанію его самоуправства—изъ честолюбивыхъ и корыстныхъ цѣлей, и повелъ противъ него упорную, хотя и весьма непродолжительную борьбу. Амвросій, въ первые два года царствованія Александра I пользовавшійся большимъ значеніемъ при дворѣ¹⁾ и имѣвшій связи съ вліятельнѣйшими въ государствѣ лицами (напр., съ статсъ-секретаремъ Д. П. Троицкимъ), также не пренебрегалъ случаями довести до свѣдѣнія государя объ излишней притязательности оберъ-прокурора, унижающей достоинство Св. Синода. Государь сдѣлалъ Яковлеву чрезъ ближайшаго своего совѣтника Н. Н. Новосильцова внушеніе „поступать тише“; но тотъ не унимался, и внушенія, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ запискахъ, „не переставали продолжаться“; „пошли выговоры, уже и съ угрозами, предвѣщавшими приближающееся паденіе“. Наконецъ оберъ-прокуроръ долженъ былъ уступить митрополиту, и менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ назначенія его уволили отъ должности. Однако Яковлевъ, оставляя должность синодальнаго оберъ-прокурора, успѣлъ наговорить государю такъ много неслестнаго о митрополитѣ Амвросіи, что Александръ, пригласивъ къ себѣ однажды митрополита, сдѣлалъ ему строгій выговоръ²⁾.

21 октября 1803 года, черезъ двѣ недѣли послѣ увольненія Яковлева, на должность оберъ-прокурора Св. Синода былъ опредѣленъ тридцатилѣтній князь А. Н. Голицынъ. Евгеній Болховитиновъ, впослѣдствіи митрополитъ кievскій, бывший въ то время префектомъ Александрo-Невской семинаріи, писалъ по этому случаю своему знакомому въ Воронежъ: „Теперь спорщикъ уволенъ и у насъ новый прокуроръ.

¹⁾ Однажды даже митрополитъ Амвросій успѣлъ оказать двору важную услугу, когда однимъ своимъ ловкимъ дипломатическимъ визитомъ избавилъ его отъ неслестнаго петербургскаго генералъ-губернатора Палена (Морошкина „Иезуиты въ Россіи“, ч. II, стр. 13—15).

²⁾ „Записки оберъ-прокурора Яковлева“.



кн. Голицынъ, человекъ молодой, но съ достоинствами выше лѣтъ своихъ. Онъ съ дѣтства при государѣ былъ пажемъ и съ нимъ воспитывался, а потому крайне близокъ и, кажется, будутъ все имъ довольны“ ¹⁾). И старѣйшій изъ тогдашнихъ святителей, знаменитый митрополитъ московскій Платонъ, числившійся членомъ Синода, хотя уже и не присутствовавшій въ немъ, писалъ митрополиту Амвросію: „Я съ удовольствіемъ поздравляю Васъ, что Вамъ опредѣленъ хорошій оберъ-прокуроръ и успокоитъ Васъ противу прежняго. Ваше постоянное дѣйствование къ сверженію человека, который напитанъ былъ новыми началами, заслуживаетъ всякой похвалы и пламенно молю Бога, чтобы всегда оставались съ направленіемъ достойнымъ христіанскаго епископа“ ²⁾).

Тѣмъ не менѣе далеко не все были довольны Голицынымъ. Синодальнымъ членамъ не нравилось, что назначили имъ оберъ-прокуроромъ такого молодого человека, который до сихъ поръ былъ извѣстенъ только своимъ свѣтскимъ образомъ жизни и свободомысліемъ, выражавшимся въ отрицательномъ отношеніи къ церкви. Впрочемъ, они утѣшались тѣмъ, что молодой царедворецъ не захочетъ вмѣшиваться въ многочисленныя и сложныя дѣла духовнаго управленія, и имъ будетъ лучше, чѣмъ при безпокойномъ Яковлевѣ. Но они сильно ошиблись. Государь, по замѣчанію Яковлева, назначая оберъ-прокуроромъ своего „наперсника“, какъ называли въ то время Голицына, приказалъ ему водворить въ Синодѣ порядокъ, отвѣчавшій интересамъ государственной власти. И новый оберъ-прокуроръ, благодаря неограниченному довѣрію и постоянной поддержкѣ государя, безпрепятственно выполнить данное ему порученіе, не прибѣгая ни къ какимъ крутымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ по отношенію къ лицамъ, стоявшимъ во главѣ духовнаго управленія. Тихо, скромно, безъ ма-

¹⁾ „Русс. Архивъ“ 1870 г.

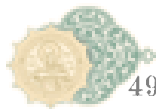
²⁾ Письма митрополита Платона, 83.

лѣйшихъ пререканій и столкновеній, съ перваго же раза, онъ поставилъ себя относительно синодальныхъ членовъ въ такія отношенія, какія опредѣлены оберъ-прокурорской инструкціей. Члены Синода, зная объ исключительной близости къ государю Голицына, увидѣли, что онъ дѣйствительно, какъ сказано въ инструкціи объ оберъ-прокурорѣ, есть „око царское и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ“. Борьба съ нимъ была невозможна. „При князѣ Голицынѣ, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ Яковлевъ, пересталъ митрополитъ объявлять указы.. Вся переписка стала производиться съ однимъ оберъ-прокуроромъ, всѣ справки пошли чрезъ него же, потому что князь Голицынъ поддержанъ государемъ. Veni, vidi, vici, все утихло. духъ монарха водворился въ Синодѣ, нечистые духи притаились.“ Мало того, по словамъ автобіографіи архимандрита Фотія, „Голицынъ имѣлъ въ Синодѣ особый столъ, какъ глава всѣхъ, митрополиты сидѣли у него по десную и лѣвую сторону вездѣ, а онъ яко патріархъ былъ всѣхъ“ ¹⁾).

Митрополитъ Амвросій, энергично и успѣшно боровшійся съ Яковлевымъ, долженъ былъ вести себя совершенно иначе по отношенію къ князю Голицыну. постоянно сообразоваться съ его желаніями и даже искать его покровительства, такъ какъ государь, подъ вліяніемъ разоблаченія значительныхъ безпорядковъ въ высшемъ духовномъ управленіи, сдѣланнаго уволеннымъ Яковлевымъ, измѣнилъ свои отношенія къ первенствующему члену Синода. Въ свою очередь, и другіе синодальные члены не рѣшались оказывать противодѣйствія усиливавшемуся вліянію новаго оберъ-прокурора на дѣла церковнаго управленія. Хотя нѣкоторые епархіальные архіереи, несмотря на громадное вліяніе Голицына на духовное управленіе, находили еще возможнымъ проявлять въ своихъ распоряженіяхъ извѣстную долю самостоятельности ²⁾), однако

¹⁾ „Русс. Старина“ 1894 г., сент., стр. 221. ср. „Русс. Архивъ“ 1892 г., кн. XII, стр. 360.

²⁾ „Правосл. Собесѣдникъ“ 1899 г., январь, стр. 104—106.



такихъ архіереевъ было очень не много. Напротивъ, въ большинствѣ случаевъ „епархіальные преосвященные чувствовали себя вынужденными дѣйствовать согласно указаніямъ всесильнаго оберъ-прокурора, и, дорожа расположеніемъ такого вліятельнаго лица, какимъ былъ князь Голицынъ, прибѣгали къ разнообразнымъ средствамъ, чтобы не потерять подобнаго расположенія. „Во всегдашней памяти содержа благодаренія Вашего Сіятельства и побуждаємъ оными,—писалъ, напр., Голицыну епископъ слободско-украинскій и харьковскій Аполлосъ (Терешкевичъ) отъ 3 янв. 1814 года,—усерднѣйше Ваше Сіятельство, особливѣйше моего благодѣтеля и покровителя, съ сямъ новымъ годомъ поздравляю—и усерднѣйше подношу икону св. Троицы... въ доказательство моего истиннаго высокопочитанія и преданности“¹⁾).

При этомъ Голицынъ, достигшій громаднаго вліянія на все церковное управленіе, былъ ревнивъ къ своей власти и не допускалъ никакого посторонняго вмѣшательства въ свои дѣла и никакихъ совѣтовъ, претендующихъ на вліяніе. „Предмѣстникъ мой Яковлевъ,—разсказываетъ онъ самъ,—ѣздилъ тогда ко мнѣ подъ разными благовидными предлогами, какъ-то, разсказывать о начатыхъ имъ и неоконченныхъ синодскихъ дѣлахъ съ совѣтомъ, чтобъ я продолжалъ и кончилъ ихъ въ его духѣ; если не это, то преподавать мнѣ какой нибудь особенный способъ, новую методу, которую, по словамъ его, онъ съ пользою употреблялъ по Синоду; иногда, чтобъ извѣщать меня, какое обычное давалъ онъ Синоду направленіе и проч. и проч. Мнѣ, правду сказать, наскучили уже эти посѣщенія, равно какъ и отеческія его внушенія, и я счелъ за лучшее начисто съ нимъ объясниться, что въ отпращиваніи моей должности я буду держаться того смысла и разумѣнія, какими наградила меня природа, что благодарю его за совѣты и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу впредь меня отъ

¹⁾ Канцелярія оберъ-прокурора Св. Синода. Дѣло 1814 г. (3 янв.), № 156.



нихъ уволить. Яковлевъ никакъ не могъ въ себѣ переварить того, что я занимаю его мѣсто. Онъ ѣзжалъ иногда и къ нѣкоторымъ изъ моихъ знакомыхъ и все для того, чтобы имѣть удовольствіе подъ рукою злословить и странный, по его словамъ, выборъ государя и мною особу. Однажды онъ распространялся такимъ образомъ у Марьи Антоновны Нарышкиной, съ которою я былъ хорошо знакомъ; разумѣется, что ей было вовсе непріятно это выслушивать и не смотря на то, что она давала ему замѣтить о томъ всѣми возможными средствами. раздраженное однакожъ самолюбіе Яковлева никакъ не внимало этимъ внушеніямъ, какъ вдругъ пробѣгаетъ между ними мышка. Хозяйка смертельно ея испугалась, или, можетъ быть, даже и притворилась, что испугалась; но сей случай заставилъ прервать разговоръ, къ полному удовольствію хозяйки дома, которая не замедлила тогда же обо всемъ мнѣ рассказать, смѣясь надъ странностію происшествія, а всего болѣе не забывая о благодѣтельной для меня мышкѣ.—Когда я,—продолжаетъ Голицынъ,—получилъ ленту (Аннинскую) ¹⁾, Яковлевъ тотчасъ ко мнѣ явился. „Помилуйте, князь, какъ это возможно, кричалъ онъ мнѣ впопыхахъ,—эту ленту по всему слѣдовало бы получить мнѣ, а вмѣсто того получили ее Вы“. Чѣмъ же я виноватъ, отвѣчалъ я, что государь пожаловалъ ее мнѣ, а не Вамъ. Мой Яковлевъ однако спохватился, скоро смягчился, выливался въ громкихъ протестаціяхъ усердія, увѣрялъ меня, какъ онъ много меня уважаетъ, какое бралъ всегда участіе въ моихъ успѣхахъ служебныхъ и проч. и проч. Я улыбался молча, ибо, повторяю, зналъ анекдоты о мышкѣ“ ²⁾.

Дѣятельность князя Голицына въ званіи синодальнаго оберъ-прокурора по водворенію порядка въ высшемъ духов-

¹⁾ Объ интересныхъ обстоятельствахъ полученія княземъ Голицынымъ этой ленты см. „Русс Архивъ“ 1886 г., кн. II, стр. 66—67.

²⁾ Тамъ же, стр. 67—68.



номъ управленіи началась съ перемѣнъ въ личномъ составѣ Св. Синода. Изъ прежнихъ членовъ архіереевъ въ немъ остались митрополитъ Амвросій и Ириней, архіепископъ псковскій. Вновь былъ вызванъ 4 декабря 1803 года изъ Тулы тамошній епископъ Меодій (Смирновъ), переименованный вскорѣ потомъ въ архіепископы тверскіе. Это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ архипастрей. Скромность была главною, отличительною особенностію характера этого глубоко ученаго и вполне благочестиваго человѣка. Опытный священноначальникъ, совершенно нестяжательный, ревностный поборникъ законности, врагъ всякихъ интригъ и неправды, онъ въ особенности извѣстенъ былъ твердостію въ церковныхъ догматахъ. Князь Голицынъ, живя во время своей опалы въ Москвѣ, а также въ деревняхъ своихъ родственниковъ Кологривовыхъ, находившихся въ Тульской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, много слышалъ о замѣчательной административной дѣятельности тамошняго епископа Меодія и имѣлъ случай лично съ нимъ познакомиться. Когда же онъ сдѣлался оберъ-прокуроромъ, то рѣшилъ воспользоваться имъ для приведенія въ порядокъ синодальныхъ дѣлъ. Вновь вызванный Меодій сразу возвысился надъ всѣми членами Синода, въ томъ числѣ и надъ митрополитомъ Амвросіемъ. Но, пользуясь преобладающимъ вліяніемъ на дѣла церковнаго управленія, онъ всячески старался не высказывать его, и всегда былъ почтителенъ къ первенствующему члену Синода, за что этотъ послѣдній не могъ не уважать его ¹⁾.

Въ половинѣ 1805 года послѣдовали нѣкоторые измѣненія и въ существовавшемъ до того времени порядкѣ вызова епархіальныхъ преосвященныхъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. 13 іюля сего года князь Голицынъ объявилъ Синоду, что государь императоръ, желая непосредственно ознакомиться съ іерархами русской церкви, нашелъ цѣлесообразнымъ по-

¹⁾ „Русс. Вѣстникъ“ 1868 г., стр., 481—483.



очередно вызывать преосвященныхъ въ Петербургъ и здѣсь поручать имъ присутствовать въ засѣданіяхъ Синода, до полученія особаго Высочайшаго указа объ обратномъ возвращеніи въ свои епархіи. При этомъ оберъ-прокуроръ указалъ. отъ имени верховной власти, и определенное лице, предназначенное для вызова въ столицу. Вызванный на этотъ разъ могилевскій архіепископъ Анастасій (Братановскій) не менѣе Меодія былъ извѣстенъ, какъ отличный администраторъ и краснорѣчивѣйшій проповѣдникъ. Настоящимъ Высочайшимъ распоряженіемъ до нѣкоторой степени отмѣнялось правило о постоянныхъ членахъ Синода; отнынѣ званіе синодальнаго члена оставалось только за тѣмъ, кто могъ постоянно засѣдать въ Синодѣ, также за тѣмъ, кому это званіе могло быть пожаловано ¹⁾. Едва-ли нужно говорить, что вызовъ епархіальныхъ архіереевъ для присутствованія въ Синодѣ и ихъ увольненіе, поставленные въ зависимость отъ воли государя, руководившагося въ подобныхъ случаяхъ, конечно. указаніями Голицына, позволяли этому послѣднему оказывать сильное вліяніе на самый составъ наличныхъ членовъ Св. Синода и устранять изъ него всѣхъ лицъ почему-либо неудобныхъ.

Архіепископъ Анастасій не пробылъ въ Петербургѣ и года, какъ былъ переведенъ въ Астрахань. На его мѣсто вызванъ былъ государемъ, по докладу оберъ-прокурора, епископъ пензенскій Гай (Токаовъ, грузинъ), а 28 ноября 1806 года вызванъ епископъ калужскій Теофилактъ (Русановъ) „для жительства въ С.-Петербургѣ и присутствованія въ Св. Синодѣ на томъ же самомъ основаніи, какъ были преосвященные Анастасій и Гай ²⁾. Вызванный Теофилактъ ³⁾. однокурсникъ Спераискаго по Невской семинаріи и его

¹⁾ „Хрисг. Чт.“ 1895 г., мартъ—апрѣль, стр. 281—282.

²⁾ Дѣло архіапа Св. Синода 1805 г., № 4669.

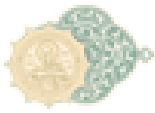
³⁾ См. о немъ „Правосл. Обзор.“ 1872 г., № 12 и „Вѣст. Евр.“ 1873 г., № 11—12.



другъ, хотя не владѣлъ ораторскимъ талантомъ въ равной мѣрѣ съ Анастасіемъ, котораго Екатерина Великая называла русскимъ Массильономъ ¹⁾, однако пользовался репутаціей выдающагося проповѣдника и не только въ столичномъ обществѣ, но и при дворѣ. По рекомендаціи такихъ близкихъ къ нему лицъ, какъ Сперанскій и Голицынъ, государь оказывалъ ему знаки особеннаго благоволенія. 21 февраля 1808 года онъ былъ пожалованъ постояннымъ членомъ Св. Синода, съ особеннымъ жалованьемъ, какого другіе не получали, чрезъ четыре мѣсяца послѣ этого (26 іюня) получилъ звѣзду св. Владимира 2 степени, чрезъ полгода (25 декабря) возведенъ въ архіепископы, и чрезъ два съ половиною года (въ мартѣ 1809 года) на высшую архіерейскую кафедру въ Рязань ²⁾. Кромѣ того, Теофилактъ успѣлъ очень понравиться императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, очаровавъ ее бойкою, правильною французскою рѣчью и изящными манерами. Императрица предложила ему посѣтить находившіяся въ ея вѣдѣніи женскія учебныя заведенія, приглашала на экзамены и поручала ему выборъ законоучителей. Неудивительно, что Теофилактъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ столицу, сдѣлался вліятельнѣе всѣхъ синодальныхъ членовъ, не исключая самого митрополита Амвросія, и выступилъ впередъ въ качествѣ главнаго дѣятеля по современнымъ церковнымъ вопросамъ. Люди, близко стоявшіе къ дѣлу, смотрѣли на него, какъ на преемника Амвросія. Ходили слухи, что государь намѣревается посадить нѣсколько архіереевъ въ Государственный Совѣтъ; понятно, что Теофилактъ выставлялся при этомъ первымъ кандидатомъ на такой высокій постъ, вслѣдствіе чего, въ кружкахъ сторонниковъ потерявшаго значеніе и силу митрополита, его стали прозывать не иначе, какъ Бріенномъ,—именемъ извѣстнаго французскаго епископа-кардинала, достигшаго путемъ интригъ

¹⁾ Богдановича „Исторія царствов. импер. Александра I“, т. III, стр. 39.

²⁾ Чистовича „Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія въ Россіи“, стр. 42.



предъ революціей во Франціи званія перваго министра Людовика XVI¹⁾). Митрополитъ Амвросій увидѣлъ себя покинутымъ почти всѣми членами Синода, которые поспѣшили стать на сторону усилившагося Оеофилакта. Немногочисленные друзья Амвросія совѣтовали даже добровольно уступить свою кафедру „французскому архіерею“, какъ называли они Оефилакта, явно добивавшемуся бѣлаго клобука, и заранѣе съ честію удалиться изъ Петербурга, но онъ отвѣчалъ на это рѣшительно: „не самъ я себя поставилъ, не могу самъ себя и снять съ своего носта“ и сохранилъ еще на нѣсколько лѣтъ свое положеніе, хотя все таки не сберегъ его до конца жизни.

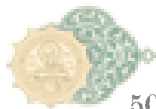
Князь Голицынъ узналъ таланты покровительствуемаго имъ Оеофилакта, какъ и вышеупомянутаго Меоодія (Смирнова). еще во время своей опалы при императорѣ Павлѣ²⁾. Занявшись, по водвореніи порядка въ высшемъ церковномъ управленіи, преобразованіемъ духовныхъ, училищъ, онъ, какъ увидимъ ниже, привлекъ къ этому весьма важному дѣлу въ числѣ другихъ способныхъ къ этому лицъ и Оеофилакта.

Стремленіе императора Александра I къ распространенію просвѣщенія среди всѣхъ вообще своихъ подданныхъ посредствомъ открытія разнообразныхъ учебныхъ заведеній поставило на очередь вопросъ и объ умноженіи и улучшеніи духовныхъ школъ, признанныхъ тогда неспособными удовлетворительно выполнять свое назначеніе. Какъ въ предварительной разработкѣ, такъ и въ окончательномъ рѣшеніи этого вопроса Голицынъ принималъ самое дѣятельное и живое участіе.

Еще при самомъ вступленіи въ должность синодальнаго оберъ-прокурора, въ октябрѣ или ноябрѣ 1803 года, князь Голицынъ поручилъ составить подробный и обстоятельный

1) Знаменскаго „Чтенія изъ исторіи русс. церкви за время царствованія импер. Александра I“, стр. 13.

2) „Русс. Вѣстникъ“ 1868 г., стр. 490.



планъ желательныхъ улучшеній въ постановкѣ духовно-учебнаго дѣла одному изъ наиболѣе образованныхъ духовныхъ лицъ того времени, префекту Невской семинаріи и архимандриту Сергіевской пустыни, Евгенію (Болховитинову). Евгеній горячо принялся за исполненіе возложеннаго на него оберъ-прокуроромъ порученія, не смотря на то, что вскорѣ послѣ этого, въ 1804 году, былъ посвященъ въ епископа старорусскаго (викарія митрополита Амвросія) и отпавленъ для управленія епархіей въ Великій Новгородъ, гдѣ вниманіе его, какъ извѣстнаго историка и археолога, сейчасъ увлекли тамошніе памятники старины. Къ началу 1805 года онъ успѣлъ выработать планъ преобразованія духовныхъ училищъ и представить его Голицыну. Въ этомъ планѣ, весьма основательно составленномъ, предполагалось единообразное устройство духовно-учебныхъ заведеній, опредѣлялись предметы ученія и распредѣлялись по классамъ, означена была степень власти, права и обязанности каждаго служащаго въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, но не было указано, откуда взять значительныя суммы, необходимыя для предполагаемаго преобразованія. У насъ въ то время было 4 академіи, 36 семинарій и только 115 низшихъ школъ. На содержаніе въ нихъ 29 тысячъ учащихся отпускалось изъ казны всего 180 тысячъ рублей асс.¹⁾ На преобразование духовныхъ училищъ требовалось, кромѣ помянутой суммы, ежегодно до полутора милліона рублей.

Проектъ Евгенія князь Голицынъ, по Высочайшему повелѣнію, передалъ члену Синода, могилевскому архіепископу Анастасію и поручилъ ему, по разсмотрѣніи этого проекта, написать на него свои критическія замѣчанія и затѣмъ составить свой собственный планъ преобразованія училищъ.

Еще 28 февраля 1721 года императоръ Петръ I „указалъ учинить отъ святѣйшаго правительствующаго духов-

¹⁾ Барона Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“, Спб., 1861 г., т. I, стр. 253—54.

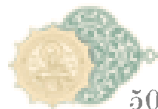


наго синода всенародное объявленіе, дабы при коеждо церкви единъ былъ для продажи свѣчъ приставникъ, понеже мнози бывають продающіе тѣя съ полученіемъ не церкви, а себѣ прибытка, который не иному кому, но церковному имѣнію пріобщаться долженъ.... а продающимъ не отъ лица церкви свѣчи, но себѣ точію отъ сея церковныя вещи прибытки получающимъ, учинить заказъ, дабы они впредь оныхъ свѣчъ не продавали и въ купечествѣ своемъ не содержали ²⁾. Но впоследствии указъ этотъ былъ забытъ, а съ 1755 года дозволено было крестьянамъ торговать, въ числѣ мелочныхъ товаровъ, и восковыми свѣчами. Архіепископъ Анастасій, составляя, по порученію Голицына, свой проектъ преобразованія духовныхъ училищъ, подалъ простую, но въ теченіе полувѣка никому не приходившую въ голову, мысль,—возстановить исключительное право продажи восковыхъ свѣчъ однѣми церквами на основаніи забытаго, но никогда не бывшаго отмѣненнымъ Петровскаго указа. Приведеніе въ исполненіе этой счастливой мысли доставило духовно-учебнымъ заведеніямъ обильный источникъ содержанія ¹⁾.

Преобразовательные планы императора Александра I, касавшіеся духовнаго вѣдомства, затрогивали не одинъ только вопросъ объ умноженіи и улучшеніи школъ, но и выдвигали на очередь другой, не менѣе важный, вопросъ—о матеріальномъ обезпеченіи приходскаго духовенства, находившагося въ жалкомъ положеніи. Но ни Анастасій, ни Евгеній не могли оказать князю Голицыну никакихъ существенныхъ услугъ въ обсужденіи этого послѣдняго вопроса. Въ данномъ случаѣ необходимо еще было предварительно собрать точныя свѣдѣ-

¹⁾ Полн. Собр. Закон., т. VI, № 3, 720.

²⁾ Богдановича „Исторія царствованія императора Александра I, т. III, стр. 39—40.—Баронъ Корфъ честь открытія этого источника содержанія дух. училищъ приписываетъ Сперанскому („Жизнь графа Сперанскаго“, т. I, стр. 254). Но панатія, пожалованная государемъ Анастасію свидѣлствуетъ, кому собственно должна принадлежать эта честь.



нія о современномъ матеріальномъ положеніи духовенства, такъ какъ, только располагая подобными свѣдѣніями, и можно было выработать предположенія, отвѣчавшія требованіямъ дѣйствительной жизни. Поэтому Голицынъ 29 августа 1806 года вмѣнить въ непремѣнную обязанность всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ представить ему въ самомъ непродолжительномъ времени необходимыя свѣдѣнія о матеріальномъ обезпеченіи приходскаго духовенства ¹⁾.

Полученныя отъ архіереевъ свѣдѣнія, вмѣстѣ съ планами Евгенія Болховитинова и архіепископа Анастасія были представлены княземъ Голицынымъ государю ²⁾. Государь, стремившійся поднять уровень духовенства и уже закономъ 22 мая 1801 года освободившій его отъ рабской приниженности, принялъ означенные планы весьма благопріятно. Затѣмъ эти планы, предварительно просмотрѣнные Сперанскимъ ³⁾, по Высочайшему повелѣнію, были переданы въ Св. Синодъ. „Синодальные,—писалъ по этому поводу Евгеній,—кромѣ митрополита, оспариваютъ подчиненіе семинарій академіямъ. Это не по сердцу епархіальнымъ“ ⁴⁾. Митрополитъ Платонъ, въ числѣ другихъ преосвященныхъ недовольный предположеннымъ преобразованіемъ духовныхъ училищъ, писалъ къ митрополиту Амвросію: „Новое объ училищахъ учрежденіе я читалъ. Исторія о духовныхъ училищахъ выведена изрядно. И сіе самое доказываетъ, что учрежденіе доселѣ было похвально и порядокъ ученія производимъ былъ основательно. Объ училищахъ должно разсуждать не по учрежденіямъ, а по успѣхамъ. Успѣхъ хорошъ, то видно и учрежденіе хорошо. А ежели новый методъ введется, то едва-ли ожидать можно лучшаго успѣха; а затрудненія и запутанности больше будетъ. Прибавка жалованья не отъ учрежденія зависитъ, а

¹⁾ Архивъ Св. Синода. Дѣло 1806 г., № 670.

²⁾ „Правосл. Собесѣдникъ“ 1899 г., январь, стр. 114.

³⁾ „Русс. Вѣстникъ“ 1868 г., стр. 489.

⁴⁾ „Русс. Архивъ“ 1870 г., стр. 842.



отъ недостатка средствъ¹⁾. Но Голицынъ перенесъ дѣло преобразованія духовныхъ училищъ съ сословной точки зрѣнія на государственную и настоялъ, чтобы столь важное дѣло было предварительно обсуждено во всѣхъ подробностяхъ людьми наиболѣе опытными и знающими, какъ среди высшаго духовенства, такъ и изъ числа занимающихъ высшія государственныя должности. Для этого онъ полагалъ учредить особый специальный комитетъ. Государь согласился и приказалъ оберъ-прокурору войти съ докладомъ о необходимости учрежденія комитета. 29 ноября 1807 года князь Голицынъ уже объявилъ Высочайше утвержденный докладъ, которымъ повелѣвалось „преосвященному Новгородскому Амвросію, Калужскому Оеофилакту, духовнику Е. И. В. о. Сергію (протопресвитеру Краснофѣвкову), оберъ-священнику о. Іоанну (Державину), статсъ-секретарю Сперанскому и ему (синодальному оберъ-прокурору) быть въ комитетѣ, который имѣеть рассмотреть и представить мнѣніе свое по слѣдующимъ предметамъ: 1) рассмотреть планъ (Евгенія) къ усовершенію духовныхъ училищъ прилагаемый, 2) сдѣлать предварительное исчисленіе суммъ, потребныхъ на устройство училищъ и церковнаго причта и 3) назначить способы, коими суммы сіи удобнѣе составить, будетъ можно“.

Самому ли Голицыну пришла счастливая мысль пригласить въ этотъ комитетъ М. М. Сперанскаго или скорѣе всего его назначилъ туда самъ государь, ничего важнаго въ то время не дѣлавшій безъ его вѣдома²⁾, только живое и дѣятельное участіе въ комитетѣ такого близкаго и довѣрен-

¹⁾ „Письма митрополита Платона“ 103, 105.

²⁾ Сперанскій былъ тогда правою рукою государя и это императоръ Александръ не стѣснялся высказывать открыто. На другой день ссылки Сперанскаго въ Нижній, государь, на слова князя А. Н. Голицына, что весьма мрачный видъ государя происходитъ, конечно, отъ нездоровья, сказалъ: „Нѣтъ, здоровъ, но, если-бъ у тебя отсѣли руку, то вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно: у меня въ прошлую ночь отняли Сперанскаго, а онъ былъ моею правою рукою!“ (Барона Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II. стр. 24).



наго у государя лица, какъ Сперанскій, было весьма благопріятнымъ условіемъ для успѣшнаго осуществленія предположеннаго преобразованія. При томъ же, Сперанскій, самъ воспитанникъ Суздальской семинаріи, потомъ учитель и, наконецъ, префектъ Невской семинаріи, конечно, лучше кого-либо другого зналъ устройство и недостатки духовныхъ училищъ и то, что было необходимо для ихъ улучшенія.

Засѣданія вновь организованнаго комитета происходили у митрополита Амвросія. Князь Голицынъ, послѣ каждого засѣданія, докладывалъ государю о ходѣ дѣла. Комитетъ, руководимый Сперанскимъ и Голицынымъ, рассмотрѣвъ представленные послѣднимъ предварительные проекты реформированія духовныхъ училищъ и улучшенія содержанія церковныхъ причтовъ, мѣнѣе, чѣмъ въ полгода, выработалъ окончательный планъ преобразованій въ духовномъ вѣдомствѣ. Сперанскій уже заготовилъ подробный докладъ о дѣйствіяхъ комитета для поднесенія государю. Оберъ-прокуроръ, по испрошеніи предварительнаго соизволенія государя на комитетскія предположенія, входитъ въ сношенія съ различными должностными лицами о способахъ исполненія этихъ предначертаній. Такъ, въ виду предположеннаго отпуска значительной суммы изъ казны, онъ предувѣдомлялъ объ этомъ государственнаго казначея Голубцова, который, поощряя его „на сіе доброе и полезное дѣло“, отвѣчалъ, что „за нимъ дѣло не станетъ, деньги готовы будутъ“ ¹⁾.

Наконецъ, 26 іюня 1808 года Голицынъ представилъ на Высочайшее утвержденіе обширный докладъ комитета объ организаціи духовно-учебныхъ заведеній и содержаніи приходскаго духовенства. и въ тотъ же день на имя Св. Синода былъ данъ Высочайшій указъ, предписывавшій привести въ исполненіе всѣ комитетскія предположенія и учреждавшій на мѣсто временнаго комитета постоянную „Коммиссію Духов-

¹⁾ Чистовича „Руковод. дѣят. духов. просвѣщ. въ Россіи“, стр. 22.



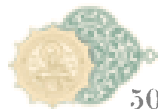
ныхъ Училищъ“ для высшаго завѣдыванія всѣми духовно-учебными заведеніями ¹⁾).

Государь былъ очень доволенъ дѣйствіями комитета и всѣмъ членамъ его пожаловалъ ордена: митрополиту Амвросію орденъ св. Владиміра 1 степени, калужскому епископу Теофілакту, князю Голицыну и Сперанскому — тотъ же орденъ 2 степени, оберъ-священнику Державину—Анны 1 степени и правителю комитетскихъ дѣлъ, оберъ-секретарю Синода Данилову—Анны 2 степени. Голицынъ, кромѣ того, былъ произведенъ въ тайные совѣтники, а Сперанскій получилъ отъ государя грамоту въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Подвигнутый этимъ опытомъ Высочайшаго вниманія къ усовершенствованію духовныхъ училищъ Св. Синодъ поручилъ своему оберъ-прокурору испросить соизволеніе государя на принесеніе всеподданнѣйшей ему благодарности и въ назначенный государемъ день (22 іюля) предсталъ предъ нимъ въ Петергофѣ въ полномъ своемъ составѣ. Митрополитъ Амвросій въ благодарственной рѣчи государю отъ лица всей російской церкви выразилъ утѣшительную надежду, что отнынѣ духовное сословіе будетъ, наконецъ, проходить свое служеніе съ радостію, а не воздыхающе. На рѣчь митрополта государь отвѣчалъ милостивыми словами: „Я, предоставляя выгоды для духовныхъ училищъ, имѣлъ въ виду то удовольствіе, что они и при распространеніи всенароднаго просвѣщенія всегда будутъ стараться идти по прежнему пути“.

Высочайше учрежденная коммиссія имѣла своимъ назначеніемъ прежде всего составить самыя уставы духовныхъ училищъ. Учебный планъ Евгенія былъ оставленъ, и уставъ написанъ новый. Составленіе его началъ Сперанскій, но, обремененный государственными дѣлами, не окончилъ своей работы, а 17 марта 1812 года и совѣмъ вышелъ изъ состава коммиссіи; послѣ него эту работу заканчивалъ Теофи-

¹⁾ „Поля. Собр. Росс. Зак.,“ т. XXX, № 23,122.



лактъ, который, какъ говорили тогда, нарочно внесъ во вторую часть устава духовныхъ академій непрятную для митрополита Амвросія статью о неподвѣдомственности ему внѣшняго академическаго правленія (завѣдывавшаго подчиненными семинаріями, съ тѣмъ, чтобы измѣнить ее впослѣдствіи, когда самъ будетъ митрополитомъ ¹⁾). Высочайшее утвержденіе новыхъ уставовъ послѣдовало уже въ 1814 году.

Мы не станемъ говорить о сущности цѣлаго ряда новыхъ уставовъ—духовныхъ академій, семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, такъ какъ это и не входитъ прямо въ нашу задачу, а обратимся къ тому, какъ разрѣшила предпринятая княземъ Голицынымъ духовно-учебная реформа самую трудную изъ поставленныхъ ей задачъ—„назначить способы, коими суммы, потребныя на устройство училищъ и церковнаго причта, удобнѣе составить будетъ можно“.

Число академій (въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани) и семинарій (36) было оставлено прежнее, но въ каждой епархіи положено имѣть по 10 уѣздныхъ и по 30 приходскихъ училищъ (хотя въ дѣйствительности число тѣхъ и другихъ училищъ рѣдко простиралось болѣе трехъ, или пяти въ епархіи), съ ассигнованіемъ на содержаніе всѣхъ этихъ заведеній вмѣсто отпускаемыхъ съ 1797 года 180,000 по 1,659,450 руб. въ годъ; для пополненія же этой суммы и вмѣстѣ съ тѣмъ для лучшаго обезпеченія причтовъ, по мысли архіепископа Анастасія, разработанной Сперанскимъ, было опредѣлено возстановить утраченное право церковей на исключительную продажу восковыхъ свѣчъ. Голицынъ исходатайствовалъ у государя возстановленіе этого права во всей его силѣ. „Съ тѣхъ поръ,—говоритъ А. Стурдза,—приношенія сѣтующихъ къ алтарю Господню, скромныя значенія горячихъ молитвъ, теплая предъ иконами Спасителя, Богоматери и святыхъ, не только служатъ залогомъ благоговѣнія народ-

¹⁾ „Правосл. Обзорніе“ 1868 г., № 8, стр. 511—512.



днаго къ святини, но еще содѣлались средствомъ воспитанія будущихъ пастырей и сановниковъ церкви“ ¹⁾). Въ Петербургѣ говорили, будто бы въ то время хотѣли даже предоставить церквамъ продажу восковыхъ свѣчъ, употреблявшихся въ частныхъ домахъ, воспретить всѣмъ, кромѣ церквей, имѣть свѣчные заводы и торговать свѣчами, но что это было отклонено Голицынымъ, сострившимъ, что послѣ того остается уже и полотеровъ, натирающихъ воскомъ паркетъ, подчинить его оберъ-прокурорскому вѣдомству ²⁾).

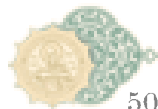
Церковный доходъ отъ продажи восковыхъ свѣчъ, по расчетамъ комитета, долженъ былъ простираться до 3,000,000 руб. въ годъ, но вслѣдствіе неизбежной контрabanды, сопровождавшей свѣчную монополію церкви, а также вслѣдствіе освобожденія отъ свѣчныхъ сборовъ множества привилегированныхъ церквей, свѣчной доходъ до конца царствованія Александра I давалъ всего около 1,000.000—1,200,000 р. ³⁾

Кромѣ дохода отъ продажи свѣчъ русская церковь, со времени предпринятой Голицынымъ духовно-учебной реформы, стала располагать еще нѣкоторыми другими матеріальными средствами. Такъ, съ именемъ князя Голицына связанъ важный проектъ улучшенія содержанія бѣдныхъ учениковъ чрезъ присвоеніе церкви исключительнаго права продажи вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ молитвъ, печатавшихся доселѣ въ Московской и Петербургской синодальныхъ типографіяхъ и продававшихся частными лицами въ свѣчныхъ и книжныхъ лавкахъ, а также при кладбищенскихъ церквахъ. „Сія послѣдняя дань,—говорилось въ проектѣ Голицына,—которую платятъ землѣ младенецъ и старикъ, и которая частными лицами себѣ присвоена, принадлежитъ, по свойству своему,

¹⁾ Стурдзы „Надгробное слово князю А. Н. Голицыну“, стр. 11.

²⁾ „Русск. Вѣстникъ“ 1868 г., стр. 491.

³⁾ Знаменскаго „Чтенія изъ истор. русск. церкви за вѣка царств. Александра I“, стр. 12—13



единой церкви, и церковь по всей справедливости не можетъ быть обращена на лучшее употребленіе, какъ на призрѣніе сиротъ и бѣдныхъ питомцевъ, кои образуются быть служителями алтарей ея. Присвоеніе же церкви сего, по частнымъ лицамъ разсѣяннаго. дохода, могло бы приносить значительное пособіе для содержанія бѣдныхъ учениковъ¹. По сдѣланному въ проектѣ примѣрному исчисленію, сумма этого пособія полагалась ежегодно до 1.000.000 руб. Утвержденный государемъ 18 марта 1810 года, этотъ проектъ князя Голицына получилъ значеніе законодательнаго постановленія на будущее время²).

Новоучрежденная Коммиссія Духовныхъ Училищъ начала свои дѣйствія въ августѣ 1808 года. Въ составъ ея вошли тѣ же лица, которыя засѣдали и въ комитетѣ. Вновь назначенъ былъ только пожалованный на мѣсто Краснопѣвкова царскимъ духовникомъ протопресвитеръ П. В. Криницкій, съ 3 апрѣля того же года присутствовавшій и въ Синодѣ. Предсѣдателя въ Коммиссіи, какъ и въ комитетѣ, не было. По Высочайше утвержденному положенію о Коммиссіи представленіе государю всеподданнѣйшихъ докладовъ и сношеніе съ министрами и другими начальствующими лицами и учрежденіями по дѣламъ Коммиссіи возлагалось на одного изъ членовъ, по избранію Коммиссіи; но на первыхъ порахъ тѣмъ же положеніемъ это предоставлено было князю Голицыну, фактическое вліяніе котораго на ходъ дѣлъ въ Коммиссіи, къ слову сказать, не подлежитъ никакому сомнѣнію²).

Отъ засѣдавшего въ Коммиссіи престарѣлаго митрополита Амвросія, считавшагося при томъ же не только консерваторомъ, но и ретроградомъ, Голицынъ не ожидалъ большой пользы въ дѣлахъ Коммиссіи, но вовсе обойти его, какъ первенствующаго члена Синода и столичнаго архіерея, невозможно

¹) Чистовичъ „Руководъ дѣятеля дух. просвѣщ. въ Россіи“, стр. 26—27.

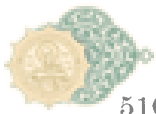
²) Тамъ же, стр. 22—172.



было. Поэтому на него, въ видѣ нѣкотораго преимущества, было возложено сноситься по дѣламъ Коммиссіи со всѣми духовными лицами и учрежденіями. Но положеніе его въ Коммиссіи все-таки не было выдающимся. Какъ нѣкогда въ Синодѣ члены безмолвно подписывали все, что угодно было Амвросію, такъ теперь въ Коммиссіи, наоборотъ, ему самому приходилось безмолвствовать и подписывать, что рѣшали другіе. Такъ, извѣстно, что въ уставѣ духовныхъ академій митрополиту, какъ епархіальному преосвященному столицы, не дано было никакого вліянія на внѣшнее академическое правленіе, тогда какъ ему были подчинены семинарскія правленія, которыя должны были входить съ представленіями къ своимъ преосвященнымъ. въ томъ числѣ и правленіе петербургской семинаріи—къ митрополиту, а эти представленія съ резолюціями митрополита обсуждались и могли быть даже отвергаемы въ независимомъ отъ него академическомъ правленіи¹⁾. При всемъ своемъ самовластномъ характерѣ, Амвросій безпрекословно изъявилъ согласіе на такое установленіе. Передовое значеніе изъ духовныхъ особъ въ Коммиссіи, какъ и въ Синодѣ, имѣлъ въ то время преосвященный Теофилактъ, который шелъ какъ разъ въ тактъ съ либеральными стремленіями такихъ государственныхъ людей Россіи, какъ Голицынъ и Сперанскій. Однако митрополитъ Амвросій нашелъ нѣкоторые вѣрные способы оказывать противодѣйствіе своему сопернику. Къ тому же и самъ Теофилактъ, какъ оказалось, не могъ удержаться на своей высотѣ: по горячности своего темперамента и страсти вмѣшиваться во всѣ дѣла онъ постоянно входилъ въ столкновенія съ людьми, которыхъ ему во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы трогать.

Преобразование духовныхъ училищъ рѣшено было начать съ Петербургскаго духовно-учебнаго округа. Въ 1809 году рѣшено было преобразовать Александрo-Невскую семи-

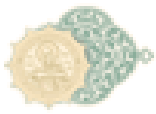
¹⁾ Правосл. Обзоріе 1868 г., № 8, стр. 511—512.



нарію съ подвѣдомственными ей по новому уставу семинаріями, но не вдругъ, а постепенно. Особенное вниманіе Коммисіи было обращено на Петербургскую академію. Всячески старались открыть ее возможно скорѣе. Торжественное открытіе этой академіи происходило 17 февраля 1809 года. При самомъ открытіи ея члены Коммисіи приняли на себя заботу по образованію въ ней различныхъ классовъ наукъ, въ качествѣ и съ званіемъ протекторовъ того или другого класса. Такъ, митрополитъ Амвросій озаботился богословскимъ классомъ, Сперанскій—классами философскимъ и древнихъ языковъ, Голицынъ—классами наукъ математическихъ и новыхъ языковъ, преосвященный Оеофилактъ—классомъ словесныхъ наукъ. Послѣдній даже принялъ на себя на первый разъ обязанности профессора въ словесномъ классѣ. „Что касается до бакалавровъ, то Коммисія по сему предмету приняла предложеніе преосвященныхъ митрополита Амвросія и архіепископа Оеофилакта объ истребованіи изъ другихъ семинарій нѣкоторыхъ учителей, извѣстныхъ со стороны способности“¹⁾. Такимъ образомъ, по предложенію и рекомендаціи Амвросія, былъ вызванъ изъ Троицкой семинаріи учитель и проповѣдникъ, іеродіаконъ Филаретъ Дроздовъ, а по предложенію и рекомендаціи Оеофилакта, изъ Калужской семинаріи—учитель философіи и префектъ, іеромонахъ Леонидъ Зарѣцкій. Ректоромъ новооткрытой академіи былъ назначенъ ректоръ Троицкой семинаріи Евграфъ (Музалевскій-Платоновъ), архимандритъ Волоколамскій.

Принимая самое живое участіе въ дѣлахъ столичной академіи, Оеофилактъ имѣлъ свои соображенія: поддерживаемый княземъ Голицынымъ и Сперанскимъ, онъ, какъ сказано, пользовался преобладающимъ вліяніемъ въ Синодѣ и въ Коммисіи Духовныхъ Училищъ; теперь захотѣлось ему властво-

¹⁾ Чистовича „Исторія С.-Петербургской дух. академіи“, Спб. 1957 г., стр. 181—182.



вать и въ академіи. Подъ предлогомъ отдаленности Калужскаго подворья, въ которомъ жилъ Оеофилактъ, онъ переселился въ академію, рядомъ съ митрополитомъ. Вліяніе ректора академіи было такимъ образомъ ограничено; ни первый ректоръ Евграфъ, вскорѣ умершій, ни его преемникъ архимандритъ Сергій (Крыловъ-Платоновъ), бывшій передъ тѣмъ ректоромъ Московской славяно-греко-латинской академіи, не могли быть самостоятельными въ своихъ дѣйствіяхъ. Всѣмъ распоряжался Оеофилактъ, все дѣлалось по его желанію. Амвросіи возмущался, но долженъ былъ молчать.

Въ концѣ перваго академическаго года, совпавшаго въ то время съ гражданскимъ (начался съ 1 января 1809 года и окончился 31 декабря), Коммиссія въ полномъ своемъ составѣ рѣшила произвести въ новообразованной академіи экзаменъ, и по классу философіи этотъ экзаменъ прошелъ не совсѣмъ удовлетворительно. Вслѣдствіе этого Коммиссія, для усиленія философскаго класса, постановила замѣнить бакалавра философіи, іеромонаха Евгенія Казанцева, другимъ, болѣе способнымъ преподавателемъ. Митрополитъ Амвросій, болѣе для того, чтобы причинить досаду противнику своему Оеофилакту, гордившемуся знаніемъ философскихъ наукъ, подаль мысль поручить преподаваніе философіи въ академіи извѣстному оріенталисту и доктору философіи Игнатію Фесслеру, приглашенному незадолго передъ тѣмъ Сперанскимъ изъ Берлина въ Невскую семинарію на кафедру еврейскаго языка¹⁾. Голицынъ и особенно Сперанскій, открывшій въ Фесслерѣ, въ бесѣдахъ съ нимъ, большія свѣдѣнія и въ

¹⁾ Сперанскому предложилъ Фесслера на кафедру еврейскаго языка профессоръ Лоди, изъ австрійскихъ славянъ, который самъ учился у Фесслера въ Лембергскомъ университетѣ. Лоди представилъ Сперанскому два печатныхъ сочиненія бывшаго своего учителя: „*Institutiones linguarum orientalium*“ и „*Anthologia Hebraica*“. По разсмотрѣніи въ Коммиссіи, оба эти сочиненія одобрены, и въ февралѣ 1809 года было послано Фесслеру, находившемуся тогда въ Берлинѣ, приглашеніе занять кафедру еврейскаго языка въ Невской семинаріи (Барона Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“ т. I, стр. 256).



философіи, поддерживали предложеніе митрополита, и Теофилактъ возражать нельзя было. Фесслеръ принялъ это предложеніе, и Коммиссія поручила ему обѣ каѳедры—философскихъ наукъ и еврейскаго языка съ церковною археологіею, а бакалавру Евгенію, до назначенія его на другую должность (19 февр. 1810 г. онъ былъ переведенъ на ректуру въ Троицкую семинарію), помогать профессору Фесслеру въ трудахъ его, по усмотрѣнію этого профессора. Вмѣстѣ съ тѣмъ академическому правленію было поручено истребовать отъ Фесслера конспекты по обѣимъ, занимаемымъ имъ, каѳедрамъ и представить на разсмотрѣніе Коммиссіи ¹⁾.

Будучи ревностнѣйшимъ масономъ, Фесслеръ, по приѣздѣ въ Петербургъ въ январѣ 1810 года, немедленно открылъ у себя домашнюю масонскую ложу ²⁾. Ставя масонству высокія философскія задачи, онъ видѣлъ въ немъ средство для нравственнаго воспитанія, на которомъ должно основываться и гражданское ³⁾. Сперанскій, мистически настроенный въ ту пору ⁴⁾, былъ принятъ въ масонскую ложу Фесслера, но посѣтилъ ее, по собственному его признанію, всего только два раза ⁵⁾. Можно думать, что это собственно и было главною, хотя, разумѣется, сокровенною, цѣлью вызова извѣстнаго масона-мистика въ Россію. Извѣстный въ то время, архимандритъ Юрьевскаго монастыря, Фотій въ своей автобіографіи такъ отзывается о Фесслерѣ: „Былъ

¹⁾ Чистовича „Руковод. дѣят. дух. просв. въ Россіи“, стр. 47.

²⁾ Барона Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“. т. I, стр. 256.

³⁾ А. Галахова „Исторія русс. словесности древн. и новой“, М. 1894, т. II, стр. 158.

⁴⁾ Первые проявленія въ немъ мистическаго настроенія относятся къ 1804 году и, кажется, имѣлъ вліяніе на него въ этомъ отношеніи И. В. Лопухинъ (см. переписку Лопухина съ Сперанскимъ въ „Русс. Арх.“ 1870 г.)

⁵⁾ Сохранилось темное преданіе, что Сперанскій вступилъ въ ложу собственно по приказанію императора Александра, который будто бы самъ имѣлъ намѣреніе посвятить себя въ тайны масонства (Барона Корфа „Жизнь гр. Сперанскаго“, т. I, стр. 261).



уже давно, по ходатайству Сперанскаго, выписанъ (разстрига изъ католическаго вѣроисповѣданія) Фесслеръ, и ученіе свое въ предѣлахъ, какъ новый Манесъ, Лютеръ и Кальвинъ, но злѣе и ненотребнѣе всѣхъ тѣхъ въ своихъ правилахъ, распространялъ силою власти и покровительствомъ вельможъ; безбожный Фесслеръ въ новѣйшія времена есть ангелъ тьмы во плоти“ ¹⁾). Архіепископъ Теофилактъ, какъ человѣкъ весьма образованный, не могъ, конечно, раздѣлять мнѣній Фотія, но къ Фесслеру отнесся враждебно, по несочувствію своему къ его мистической философіи. Натура Теофилакта была слишкомъ реальна для того, чтобы интересоваться тонкостями мистицизма. Но крайней мѣрѣ, Лопухинъ и Сперанскій всячески старались возбудить въ немъ мистическое настроеніе, но безуспѣшно ²⁾). Вотъ что рассказываетъ въ своихъ запискахъ объ отношеніи къ себѣ Теофилакта самъ Фесслеръ: „Вскорѣ (по пріѣздѣ въ Петербургъ) я увидѣлъ, что имѣю сильнаго врага въ лицѣ архіепископа Калужскаго Оеофилакта. Непріязненный ко всѣмъ вообще иностранцамъ, онъ еще прежде, въ Комиссіи Духовныхъ Училищъ, сопротивлялся вызову моему изъ за границы и, наконецъ, покорился только сильнымъ настояніямъ князя А. Н. Голицына. Ему не удалось также помѣшать имъ и въ порученіи мнѣ, черезъ нѣсколько дней постѣ моего пріѣзда, сверхъ еврейскаго языка, еще кафедры философіи“ ³⁾).

Ко всему этому еще присоединилось у Оеофилакта оскорбленное чувство самолюбія. Познакомившись съ Фесслеромъ, Оеофилактъ, считавшій себя лучшимъ знатокомъ философіи въ Россіи, не могъ не замѣтить, что пріѣзжій профессоръ далеко превосходитъ его въ знаніи философскихъ наукъ. Это уязвляло его честолюбіе. Преподававшій въ

¹⁾ „Русск. Старина“ 1895 г., августъ, стр. 187.

²⁾ См. „Письма Лопухина къ Сперанскому“ въ „Русс. Архивъ“ 1870 г., стр. 614—618.

³⁾ Барона Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I. стр. 257—258.

академіи подѣ руководствомъ Теофилакта бакалавръ Леонидъ Зарѣцкій не задолго переехъ тѣмъ досталъ, кажется, изъ Московскаго университета русскій переводъ „Эстетики“ Геттингенскаго профессора Фридриха Бутервека (изданной въ 1806 году). послѣдователя Канта. Не умѣя объяснить студентамъ встрѣчавшуюся въ этой „Эстетикѣ“ новую философскую терминологию, онъ обратился за помощью къ Теофилакту, говоря, что студенты не понимаютъ, а онъ вотъ какъ объясняетъ имъ Бутервека. Теофилактъ отвѣчалъ Леониду: „Мнѣ и самому такъ же кажется, какъ и тебѣ“. Студенты стали просить Фесслера объяснить имъ „Эстетику“ Бутервека. Обладавшій блестящимъ даромъ слова, Фесслеръ, съ своею ему вмѣстѣ съ тѣмъ общедоступностію въ изложеніи, объяснилъ имъ встрѣчавшіяся въ этой Эстетикѣ понятія Канта ¹⁾, и Бутервекъ сдѣлался имъ понятенъ. Это былъ нестерпимый ударъ для самолюбія Теофилакта, и онъ воздвигъ противъ ученаго Фесслера настоящее гоненіе.

„Рецензія, въ иностранныхъ журналахъ, философическаго сочиненія „Терезія“, переданная въ превратномъ русскомъ переводѣ,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ Фесслеръ,—доставила моему врагу (т. е. Теофилакту) первое противъ меня оружіе“ ²⁾. Въ этой рецензій, быть можетъ, не безъ участія Теофилакта и Леонида напечатанной въ Россіи, между прочимъ было сказано, что докторъ Фесслеръ перешелъ всѣ степени вѣры, сомнѣній и знаній и въ концѣ концовъ сталъ иллюминатомъ. На основаніи этого Теофилактъ началъ говорить, что небезопасно имѣть такого человека на кафедрѣ православной духовной академіи, такъ какъ будущимъ служителямъ алтаря онъ можетъ внушить духъ невѣрія. „Потомъ,—продолжаетъ Фесслеръ,—онъ потребовалъ конспектъ моихъ академическихъ курсовъ и представилъ его въ Ком-

¹⁾ „Русск. Вѣстникъ“ 1868 г., стр. 506.

²⁾ Барона Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I, стр. 258.



миссію съ своими замѣчаніями“¹⁾. Въ своихъ замѣчаніяхъ на этотъ конспектъ Оеофилактъ говоритъ: „Начала, которымъ Фесслеръ неуклонно слѣдовать объщаетъ, суть начала разрушительныя, а не созидательныя. Онъ подрываетъ религію..., принявъ въ основаніе философіи своей пагубныя мнѣнія иллюминатовъ, вводитъ Платонову философію, которая въ первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства столько породила ересей, сколько вольнодумцевъ во Франціи произвела Локова метафизика. стараніемъ Вольтера допущенная въ училища и чрезъ происки его восторжествовавшая надъ философіей Декарта“²⁾ и пр. Говоря о томъ, что Фесслеръ „подрываетъ религію, принявъ въ основаніе философіи своей пагубныя мнѣнія иллюминатовъ“, что особенно видно изъ словъ его конспекта: „царство Божіе, царство свѣта и любви, то есть благодати, въ насъ находится“,—Оеофилактъ задѣлъ за живое князя Голицына, начавшаго тогда уже увлекаться мистическимъ ученіемъ о внутренней церкви“.

Вооруживъ противъ себя покровителя своего Голицына, котораго оскорбилъ своимъ отзывомъ объ иллюминатахъ. Оеофилактъ въ то же время столкнулся съ Сперанскимъ, естественно защищавшимъ Фесслера. Фесслеръ рассказываетъ: „Сперанскій предлагалъ сообщить Оеофилактовы замѣчанія мнѣ, для объясненія; но Оеофилактъ счелъ ниже своего достоинства вступать въ полемику съ нѣмецкимъ профессоромъ и прямо требовалъ моего удаленія. Тогда Сперанскій взялся самъ защищать мое ученіе, для чего поручилъ мнѣ подкрѣпить всѣ статьи моего конспекта приличными мѣстами изъ твореній св. Отцевъ. Но это однако-жъ не пособило, такъ что въ маѣ 1810 года мнѣ стали внушать, подъ рукою, проситься прочь изъ академіи. чтобы предварить увольненіе оттуда безъ просьбы. Сперанскій, по сообщенію моему о

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1859 г., № 2, смѣсь, стр. 115—123.



томъ. тотчасъ зацитилъ меня отъ такихъ самовластныхъ дѣйствій, совѣтуя между тѣмъ потерпѣть, пока онъ принищетъ средство вывести меня съ честью изъ этихъ дразговъ“¹⁾. 9 іюля 1810 года князь Голицынъ уже предъявилъ Комиссiи Духовныхъ Училищъ препровожденную къ нему Сперанскимъ копію съ Высочайшаго указа 22 іюня объ опредѣленіи Фесслера въ комиссію законовъ въ качествѣ корреспондента по уголовному праву. Тогда же митрополитъ Амвросій заявилъ о послѣдовавшемъ увольненіи Фесслера отъ должности профессора въ академіи²⁾, въ которой онъ пробылъ всего лишь пять мѣсяцевъ. Вскорѣ Фесслеръ уѣхалъ въ Саратовскую губернію, гдѣ сдѣлался лютеранскимъ суперъ-интендентомъ, и умеръ въ 1839 году, 83-хъ лѣтъ отъ роду.

Охлажденіе къ Оеофилакту Голицына и Сперанскаго сильно поколебало его авторитетъ какъ въ Синодѣ и Комиссiи Духовныхъ Училищъ, такъ и въ академіи. Между тѣмъ, возсіяло въ Петербургѣ новое свѣтило, которому суждено было совершенно затмить славу нѣкогда величаваго Оеофилакта. Это былъ вышеупомянутый нами іеродіаконъ Филаретъ Дроздовъ, вызванный изъ Троицкой семинаріи на службу въ столичную академію. Московскій митрополитъ Платонъ на закатѣ дней своихъ замѣтилъ въ немъ будущаго преемника своей ораторской славы и благословилъ его на проповѣдь. Въ 1806 году онъ писалъ своему викарію Августину: „А у меня явился отличный проповѣдникъ—учитель Дроздовъ; я вамъ сообщу его проповѣдь, и вы удивитесь“. Вызовъ Филарета въ Петербургъ чрезвычайно огорчилъ Платона и онъ просилъ Синодъ возвратитъ полюбившагося ему учителя въ Москву³⁾, но безуспѣшно. По пріѣздѣ въ сѣверную столицу, Филаретъ съ перваго же раза встрѣтилъ

¹⁾ Барона Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I. стр. 258.

²⁾ Чистовичъ „Руковод. дѣятеля дух. просвѣщ. въ Россiи“, стр. 51.

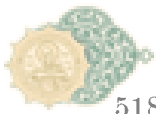
³⁾ Чистовича „Исторія С.-Петербургской духовной академіи“, стр. 183.

себѣ неожиданнаго и опаснаго недоброжелателя въ Теофилактѣ, который имѣлъ уже своего собственнаго кандидата на академическую кафедру въ лицѣ іеромонаха Леониды Зарѣцкаго, и встрѣтилъ новаго кандидата, вызваннаго по желанію митрополита Амвросія, съ уничтожающимъ величіемъ¹⁾. По его проискамъ Филаретъ цѣлый годъ не могъ попасть въ академію и долженъ былъ служить въ Петербургской семинаріи, хотя и съ званіемъ академическаго бакалавра²⁾, тогда какъ Леонидъ немедленно былъ назначенъ въ академію бакалавромъ словеснаго класса, протекторомъ и профессоромъ котораго, какъ извѣстно, состоялъ Теофилактъ.

Филаретъ не сошелся съ Теофилактомъ. За то митрополитъ Амвросій оказалъ ему всякое съ своей стороны вниманіе, и Филаретъ не остался передъ нимъ въ долгу. Всегда считая митрополита Амвросія своимъ благодѣтелемъ, Филаретъ сдѣлался его правою рукою и твердою опорою въ дѣлахъ духовнаго управленія. Съ первой же встрѣчи съ Филаретомъ, духовнымъ сыномъ друга своего митрополита Платона, Амвросій рѣшилъ во что

¹⁾ По долгу предстоящей службы, Филаретъ долженъ былъ представиться всѣмъ членамъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ. Представлялъ его ректоръ академіи Евграфъ, у котораго онъ и пріютился на первое время, какъ землякъ и бывшій сослуживецъ по Троицкой семинаріи („Письма Филарета къ роднымъ“. М., 1868 г., стр. 115—116). Представлялись, конечно, и Теофилакту. „Когда,—разсказываетъ біографъ Филарета Сушковъ,—юный инокъ явился къ нему, то онъ, принявъ его сухо и свысока, сталъ испытывать, какія свѣдѣнія вынесены имъ изъ семинаріи, и въ заключеніе своихъ напрасныхъ стараній смутить и сбить его, какъ бы новичка на экзаменѣ, съ важностію спросилъ: что есть истина? Прослушавъ опредѣленіе слова „истина“ въ смыслѣ логическомъ, физическомъ и математическомъ и т. д., онъ съ досадою сказалъ: не то; всего этого мало; вообще, что есть истина?“—Строго испытываемый, словно ученикъ учителемъ, могъ бы отвѣтить ему: „Спаситель“,—словомъ Иисуса Христа: „Я есмь истина“; но ректоръ Евграфъ, который ввелъ его къ вопросителю, молвилъ: „вопросъ Пилатовъ въ Евангеліи остался безъ отвѣта“.—Тѣмъ и кончился неожиданный экзаменъ“ (Сушкова „Записки о жизни и времени Филарета“, стр. 94).

²⁾ „Письма Филарета къ роднымъ“, стр. 116. Ср. Чистовича „Исторія С.-Петербургской академіи“, стр. 184.



бы то ни стало вывести его на настоящую дорогу, не смотря ни на какія препятствія со стороны Θεοφιλαкта. Такъ, для уравниенія его съ Леонидомъ, митрополитъ прежде всего посвятилъ его въ іеромонахи¹⁾; затѣмъ, сблизилъ его съ княземъ Голицынымъ, которому былъ представленъ еще вскорѣ по прїѣздѣ изъ Москвы, на придворномъ маскарадѣ въ Таврическомъ дворѣ²⁾. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ со словъ самого Филарета Сушкова: „Былъ праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ. Приглашено было и духовенство полюбоваться на великолѣпный фейерверкъ. Митрополитъ Амвросій взялъ съ собой и недавно прибывшаго изъ Троицко-Сергіевой лавры іеродіакона Филарета, которому, конечно, все казалось страннымъ: и это недуховное празднество, и скачка въ перегонку столькихъ четверней съ каретами и колясками, и пестрые толпы мужчинъ и женщинъ, суетливо рассыпающихся во всѣ стороны безъ видимой цѣли, и долетающіе до слуха звуки безъ словъ, и музыка, какъ громъ, прерывающая весь этотъ хаотическій шумъ и говоръ. Вотъ торопливо идетъ по двору какой-то небольшого роста человѣкъ, украшенный звѣздой и лентой, при шпачѣ, въ трехъугольной шляпѣ и въ чемъ-то, плащѣ не плащѣ, въ какой-то шелковой накидкѣ сверхъ вышитаго мундира. Вотъ взобрался онъ на хоры, гдѣ чинно расположилось духовенство. Вертляво рассказываетъ онъ посреди членовъ Св. Синода, киваетъ имъ головой, пожимаетъ руки, мимоходомъ, запросто молвитъ словцо тому или другому, и никто изъ нихъ не дивится ни на его нарядъ, ни на его свободное обращеніе съ ними. Странное существо! подумалъ, глядя на него, іеродіаконъ. Но вотъ митрополитъ беретъ его за

¹⁾ „Письма Филарета къ роднымъ“, стр. 118.

²⁾ Въ XVIII столѣтіи и въ началѣ XIX-го духовныя особы приглашались также въ эрмитажный театръ, гдѣ онѣ, невидимыя для общества, сидѣли въ особыхъ ложахъ, называвшихся „архіерейскими“. Въ одной изъ такихъ ложъ довольно частымъ зрителемъ бывалъ Платонъ, впослѣдствіи митрополитъ Московскій („Русск. Вѣстникъ“ 1868 г., стр. 501).

руку, подводить къ маленькому господину, объясняетъ маленькому господину, откуда и когда прибылъ въ Александровскую лавру инокъ; а инокъ, не зная, къ кому его подвели и о чемъ съ нимъ говорить, разсѣянно поклонился ему, молча, поглядѣлъ на него и отошелъ въ сторону. Когда „домино“ удалилось, онъ спросилъ: кто-жъ этотъ господинъ? „Нашъ оберъ-прокуроръ“, сказали ему. Какимъ же неуклюжимъ дикаремъ я показался тогда ему, молвилъ какъ-то съ усмѣшкой митрополитъ Филаретъ, вспоминая о первой встрѣчѣ съ Голицынымъ, продолжаетъ Сушковъ,—что онъ долженъ былъ подумать обо мнѣ? И теперь смѣшно, какъ придетъ на память мое невѣдѣніе свѣтскихъ условій, мое недоумѣніе при взглядѣ на его домино, мое неловкое отъ него удаленіе. Я совсѣмъ растерялся въ этомъ шумѣ и суматохѣ. Да и какъ же мнѣ было знать, что домино есть принадлежность маскарадовъ, о которыхъ я и не слыхивалъ. Смѣшонъ былъ я тогда въ глазахъ членовъ Св. Синода. Такъ я и остался чудакомъ“¹⁾.

На Пасху 1809 года Филаретъ, только-что посвященный въ іеромонахи, вмѣстѣ съ другими духовными лицами, былъ уже съ официальнымъ визитомъ у князя Голицына²⁾. Но тогда, какъ и при первомъ представленіи въ Таврическомъ дворцѣ, молодой, малоизвѣстный инокъ-пришлецъ, къ тому же рекомендованный не пользовавшимся въ Петербургѣ хорошою репутаціей митрополитомъ Амвросіемъ, былъ почти не замѣченъ княземъ. Близко же узналъ Голицынъ Филарета только въ 1810 году, когда послѣдній успѣлъ пріобрѣсть извѣстность выдающагося проповѣдника. 8 февраля 1810 года, благодаря митрополиту Амвросію и къ неудовольствію Теофилакта, состоялся, наконецъ, переводъ Филарета въ академію на должность бакалавра богословскихъ наукъ. Не за-

¹⁾ Сушкова „Записки о жизни и времени Филарета“, стр. 224. Ср. 45.

²⁾ „Письма Филарета къ роднымъ“, стр. 118—119.



долго передъ тѣмъ скончался неожиданно ректоръ академіи Евграфъ, и его мѣсто занялъ архимандритъ Сергій, не менѣе Евграфа знакомый Филарету по Троицкой семинаріи ¹⁾. Теперь-то митрополитъ Амвросій нашелъ благовременнымъ дать просторъ раскрытію высокаго проповѣдническаго таланта Филарета, такъ поразившаго въ свое время митрополита Платона. Первая же проповѣдь, назначенная ему въ 1810 году на день Благовѣщенія въ Невской лаврѣ, оказалась такъ хороша, что „по волѣ преосвященнѣйшаго митрополита“, какъ рассказываетъ самъ проповѣдникъ, „была напечатана ²⁾ отдѣльною брошюрою на средства Св. Синода, и обратила на себя всеобщее вниманіе. Многіе, и при томъ изъ столичнаго дворянства, съ восторгомъ радости и удивленія къ таланту новаго проповѣдника, встрѣтили его проповѣдь, съ увлеченіемъ читали ее, запрашивали у него для себя экземпляры ея, такъ что изъ большаго числа печатныхъ экземпляровъ ея, подаренныхъ митрополитомъ проповѣднику, много разошлось по рукамъ въ короткое время. Но нашлись также „нѣкоторые умные люди“, очевидно изъ партіи Оеофилакта, „которые вздумали увѣрять глухихъ, будто бы“ онъ, Филаретъ, „обокралъ Массильона“. Это обстоятельство побудило его предлагать желающимъ и остальные экземпляры своей проповѣди на день Благовѣщенія и въ то же время „рекомендовать слово Массильона на тотъ же день“ ³⁾. Между тѣмъ, всѣ болѣе или менѣе безпристрастные люди, сличая проповѣдь Филарета съ словомъ Массильона, не могли не видѣть, какъ были несправедливы упреки его недоброжелателей въ позавимствованіи будто бы имъ мыслей у знаменитаго французскаго проповѣдника. Возрастаніе славы Филарета, какъ выдающагося проповѣдника, сразу было обезпечено. Вскорѣ послѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 120—122.

²⁾ Тамъ же, стр. 134.

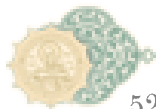
³⁾ Тамъ же, стр. 136.



произнесенія названной проповѣди многіе стали искать знакомства съ нимъ. „Одинъ свѣтскій человекъ,—пишетъ Филаретъ своему отцу отъ 29 августа 1810 года.—имѣвъ и читавъ (проповѣдь), пріѣзжалъ сюда нѣсколько разъ, чтобъ найти меня: съ своей любовію къ христіанству убѣдилъ меня сдѣлаться ему знакомымъ“¹⁾. О комъ именно говоритъ въ этихъ словахъ письма Филаретъ, угадать довольно трудно, хотя по дальнѣйшимъ отношеніямъ его, а равно и по тону сообщенія, таинственно важному. можно думать, что здѣсь говорится о князѣ Голицынѣ. Проповѣдь Филарета на день Благовѣщенія, трактующая о внутреннемъ царствіи Божіемъ въ душѣ человека, какъ разъ соответствовала тому мистическому настроенію, которымъ уже въ то время началъ проникаться Голицынъ, и потому послѣдній естественно искалъ сближенія съ замѣчательнымъ проповѣдникомъ, обратившимъ на себя всеобщее вниманіе.

Увлеченный проповѣдническимъ талантомъ Филарета, князь Голицынъ теперь уже самъ просилъ митрополита Амвросія поручать молодому іеромонаху возможно чаще произносить проповѣди. И потому въ слѣдующемъ 1811 году Филаретъ говоритъ уже не одну, а цѣлыхъ семь проповѣдей, вполне упрочившихъ его проповѣдническую славу. Понятно, какими глазами могъ смотрѣть Теофилактъ, самъ весьма значительный проповѣдникъ, на Филарета, покровительствуемаго теперь къ тому же не только митрополитомъ, но и синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. Первая проповѣдь въ 1811 году была произнесена Филаретомъ на Пасху (2 апрѣля). Соперникъ его Леонидъ Зарѣцкій отозвался о ней, что это не проповѣдь, а ода въ прозѣ, но она очень понравилась митрополиту Амвросію, который, припомнивъ, что Филаретъ часто говорилъ проповѣди въ Сергіевой лаврѣ, совѣтовалъ ему побольше заниматься этимъ и назначилъ ему другую проповѣдь на Троицынъ

¹⁾ „Письма Филарета къ роднымъ“, стр. 139.



день (21 мая). когда, по случаю храмового праздника, въ Невской лаврѣ бываетъ большое собраніе молящихся. Произнесенная въ этотъ день проповѣдь о дѣйствіяхъ или дарахъ Святаго Духа призвана слушателей особенно сильное впечатлѣніе. Въ числѣ слушателей былъ и Оеофилактъ. Войдя въ алтарь въ началѣ обѣдни, онъ освѣдомился, кто будетъ говорить проповѣдь, и узнавъ, попросилъ Филарета дать ему прочитатъ проповѣдь, и тутъ же прочиталъ ее. Послѣ обѣдни, по обычаю, былъ у митрополита завтракъ. За завтракомъ извѣстный мистикъ, близкій къ князю Голицыну человекъ, А. О. Лабзинъ сдѣлалъ указаніе на одно мѣсто слышанной имъ въ тотъ день проповѣди. Оеофилактъ, въ отвѣтъ Лабзину, замѣтилъ, что она вообще отзывается духомъ пантеизма. Какъ пантеизма? спросилъ митрополитъ. Оеофилактъ не отступился отъ своего отзыва, и только по усиленному убѣжденію митрополита замолчалъ. Послѣ завтрака, прогуливаясь по саду, огорченный проповѣдникъ сказалъ ректору Сергію, что если онъ пантеистъ, то пантеистъ и онъ, ректоръ, и самъ митрополитъ, потому что они читали предварительно его проповѣдь и одобрили ее къ произнесенію въ храмѣ Божіемъ. Узнавъ объ огорченіи Филарета, митрополитъ потребовалъ проповѣдь къ себѣ и послалъ ее съ нимъ же къ преосвященному Меодію Тверскому, считавшемуся въ подобныхъ дѣлахъ авторитетомъ. Меодій, возвращая проповѣдь, письменно отозвался о ней, что она „достойна сановитаго наставника и ничего противнаго православію не содержитъ“. Оберъ-прокуроръ Голицынъ, разсмотрѣвъ проповѣдь, заявилъ въ Синодѣ, что ее надо напечатать, и пожелалъ еще чаще слушать проповѣдника. Митрополитъ велѣлъ Филарету приготовить новую проповѣдь, и въ одно воскресенье (4-е по Пятидесятницѣ) пригласилъ къ обѣднѣ въ лавру князя Голицына и Сперанскаго послушать Филарета. Собрались, проповѣдь на текстъ „оброцы грѣха смерть“ сказана, слушателямъ понравилась. На завтракъ у митрополита Голицынъ разговаривалъ



съ Филаретомъ и взять у него проповѣдь ¹⁾. Всѣ три проповѣди его приказали онъ напечатать ²⁾ и представить государю. Государь остался очень доволенъ ими и пожаловалъ (30 іюня) Филарету наперсный крестъ съ драгоценными камнями ³⁾, именно „за отличіе въ проповѣдываніи слова Божія“ ⁴⁾, а черезъ недѣлю послѣ этого повелѣлъ возвести его въ санъ архимандрита ⁵⁾.

Съ тѣхъ поръ Филаретъ сдѣлался, такъ сказать, моднымъ проповѣдникомъ. Ему поручали говорить проповѣди въ самыхъ важныхъ случаяхъ, въ присутствіи Высочайшихъ особъ (напр., при освященіи Казанскаго собора, 15 сентября 1811 года). Каждая проповѣдь его являлась событіемъ, о которомъ вездѣ говорили. Князь Голицынъ сдѣлался ревностнѣйшимъ его почитателемъ. Въ письмѣ къ своему родителю отъ 28 ноября 1811 года Филаретъ писалъ: въ продолженіе осени я нѣсколько разъ былъ у князя Александра Николаевича, и въ его иногда экипажѣ. Онъ подарилъ еще мнѣ духовныя творенія Фенелона на французскомъ языкѣ. Теперь онъ нездоровъ; помолитесь о немъ: онъ истинный ревнитель вѣры и церкви“ ⁶⁾. Въ томъ же году императрица Елизавета Алексѣевна выразила князю Голицыну желаніе поближе ознакомиться съ главнѣйшими отличительными особенностями православія и римскаго католичества. Исполняя желаніе императрицы, Голицынъ поручилъ составить „изложеніе разности“ между этими исповѣданіями нѣсколькимъ извѣстнымъ въ то

¹⁾ Сущкова „Записки о жизни и времени Филарета“, стр. 95 Ср 94

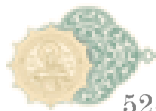
²⁾ Онѣ были сверхъ того напечатаны и отдѣльно („Опытъ Россійской бібліографіи“, т. IV, №№ 10, 692—10, 694).

³⁾ „Письма Филарета къ роднымъ“, стр. 140—150.

⁴⁾ См. послужной списокъ Филарета, приложен. къ I т. его сочиненій, изд 1873—1882.

⁵⁾ Тамъ же. Ср. „Письма Филарета къ роднымъ“, стр. 150—151.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 154.



время богословамъ, въ томъ числѣ и Филарету¹⁾. Благодаря этой извѣстности Филарета, отецъ послѣдняго, протоіерей Коломенскаго Успенскаго собора, Михаилъ Ѳеодоровъ получилъ (31 декабря 1811 года), по представленію князя Голицына, небывалую тогда въ его положеніи награду, именно сразу два отличія: камилавку и наперсный крестъ, „въ знакъ особеннаго Монаршаго благоволенія къ сыну, который толико ознаменовалъ себя на поприщѣ проповѣди слова Божія“²⁾.

Итакъ, Филаретъ въ продолженіе короткаго времени сдѣлался знаменитостью, о которой знали и государь. и государыня. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ силой, съ которою нужно было считаться. Теперь-то онъ, при поддержкѣ князя Голицына, сдѣлался мощною опорой все болѣе и болѣе старѣвшаго и съ каждымъ годомъ терявшаго свое значеніе митрополита Амвросія. Ѳеофилактъ увидѣлъ въ немъ опаснаго соперника. Борьба его съ митрополитомъ возобновилась, но теперь Амвросій уже имѣлъ поддержку въ молодомъ даровитомъ архимандритѣ, который умѣлъ вести дѣло. Между прочимъ, чтобы подготовить общественное мнѣніе къ признанію неспособности къ дальнѣйшему служенію митрополита Амвросія, Ѳеофилактъ не постѣснялся даже съ церковной кафедрой грубо задѣть почтеннаго старца. Въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ изобразилъ нѣкоего престарѣлаго человѣка, обремененнаго службой, за котораго управляетъ дѣлами одинъ молодой человѣкъ. Этотъ намекъ относился къ митрополиту и бакалавру Филарету. Слухи объ этомъ распространились по всему Петербургу. Амвросій крайне досадовалъ и не зналъ, какъ заградить уста Ѳеофилакту, боясь, что онъ, пожалуй, и впредь не оставитъ его въ покоѣ. Филаретъ пришелъ ему на по-

¹⁾ „Чт. Общ. Истор. и Древн. Росс.“ 1870 г., т. I.

²⁾ „Письма Филарета къ роднымъ“, стр. 155—159. Ср. „Христ. Чтен.“ 1898 г., январь, стр. 66.



мощь. По его совѣту, митрополитъ, во время засѣданія въ Синодѣ, указалъ Теофилактѣ на 20-е правило VI вселенскаго собора, которымъ воспрещается епископу проповѣдывать въ чужой епархіи. И съ тѣхъ поръ Теофилактъ на самомъ дѣлѣ пересталъ проповѣдывать въ столицѣ¹⁾.

Преосвященный Теофилактъ, вызывая Леонида въ бакалавры академическаго словеснаго класса, котораго онъ былъ руководителемъ, рассчитывалъ подготовить въ немъ для себя хорошаго пособника въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ. Для этого ему хотѣлось имѣть при себѣ ректоромъ академіи именно Леонида на время ожидаемаго имъ съ нетерпѣніемъ въ скоромъ будущемъ предсѣдательства своего въ Синодѣ. Но Филаретъ, поддерживаемый не только митрополитомъ, но и оберъ-прокуроромъ, представлялъ теперь въ себѣ много поводовъ къ серьезнымъ опасеніямъ за осуществленіе плановъ Теофилакта на счетъ Леонида. Поэтому Теофилактъ снѣшилъ, такъ сказать, осуществленіемъ этихъ плановъ. Съ этою цѣлью, онъ прежде всего (въ октябрѣ 1811 года) сложилъ съ себя званіе профессора словесныхъ наукъ въ академіи и, съ согласія Коммисіи Духовныхъ Училищъ, предоставилъ это званіе Леониду²⁾, тогда какъ Филаретъ оставался все еще по прежнему бакалавромъ. Съ тою же цѣлью онъ началъ производить весьма чувствительное давленіе на ректора Сергія, въ видахъ удаленія его изъ академіи. Подъ вліяніемъ этого давленія Сергій дѣйствительно сталъ проситься о переводѣ на другое мѣсто. Князь Голицынъ сначала не соглашался отпустить его изъ Петербурга, желая задержать его до перваго выпуска изъ академіи, но потомъ согласился. Сергія посвятили во епископа костромскаго. Кандидатовъ на его мѣсто было предложено два. Теофилактъ, какъ и слѣдо-

¹⁾ „Прав. Обзорѣніе“ 1868 г., № 8, стр. 516.

²⁾ Чистовича „Исторія С.-Петербургской академіи“, стр. 251.



вало ожидать, предложилъ любимца своего Леонида; митрополитъ Амвросій—Филарета. Слава, достигнутая бакалавромъ на поприщѣ проповѣдничества, доставила ему преимущество предъ профессоромъ, хотя послѣдній и былъ старше перваго по службѣ. Назначеніе Филарета въ ректоры Петербургской академіи состоялось 11 марта 1812 года.

Архимандритъ Сергій былъ рукоположенъ во епископы въ самый день паденія Сперанскаго, 29 марта 1812 года¹⁾. Кромѣ того, что Теофилактъ лишился чрезъ паденіе Сперанскаго своей послѣдней, при томъ же расшатанной илѣ, опоры, это паденіе было яснымъ для современниковъ предвѣстіемъ его собственнаго паденія. Новорукоположенный епископъ Сергій, дружественный Филарету, прощаясь съ нимъ, сказалъ: „Слѣдомъ за Сперанскимъ поѣдетъ и Бріеннъ (т. е. Теофилактъ): ты его сбудешь“²⁾. Слова Сергія сбылись. Первымъ дѣйствіемъ новаго ректора противъ господствовавшего доселѣ въ академіи Теофилакта было подчиненіе митрополиту, какъ епархіальному начальнику, внѣшняго академическаго правленія³⁾. Сначала Теофилактъ этому всячески сопротивлялся, но потомъ, видя все болѣе усиливающееся благоволеніе князя Голицына къ Филарету, уступилъ. Значеніе его умалялось по мѣрѣ возвышенія Филарета. Тѣмъ не менѣе за свои заслуги и таланты Олофилактъ держался все еще высоко: 27 ноября 1812 года дано было ему Высочайшее повелѣніе обозрѣть разоренныя церкви въ западныхъ епархіяхъ, подвергшихся опустошительному нашествію Наполеона, а 24 декабря того же года—другое повелѣніе произвести на мѣстѣ вѣрнѣйшее изслѣдованіе по небывалому въ Россіи извѣстному проступку могилевскаго архіепископа

¹⁾ Богдановича „Исторія царствованія Александра I“, т. III, стр. 196.

²⁾ „Бравосл. Обзорѣніе“ 1868 г., № 8, стр. 517.

³⁾ Тамъ же, стр. 512.



Варлаама Шипацкаго. Отсутствіе его изъ Петербурга продолжалось до лѣта 1813 года. Еще съ половины марта Теофилактъ началъ проситься въ столицу, но князь Голицынъ, давно уже охладѣвшій къ нему, удерживалъ его въ Смоленскѣ. 31 марта онъ писалъ Голицыну, что успѣлъ закончить дѣла въ Могилевской и Волынской епархіяхъ и что кажется нѣтъ причинъ держать его въ Смоленскѣ далѣе. Однакоже князь Голицынъ продержалъ его здѣсь весь апрѣль. Наконецъ, уже въ маѣ онъ возвратился изъ своей командировки въ Петербургъ¹⁾. Въ столицѣ его приняли холодно. Квартиру свою въ академіи онъ нашелъ занятою и долженъ былъ отправиться на Ярославское подворье²⁾. Къ этому присоединилась еще скомпрометировавшая его исторія „Эстетическихъ разсужденій Ансильйона“, начало которой восходитъ къ 1811 году, а печальный конецъ—къ 1813 году.

Еще въ 1811 году, при самомъ началѣ своихъ профессорскихъ занятій въ академіи, Теофилактъ, чрезъ посредство Леонида, поручилъ студентамъ перевести съ французскаго языка очень понравившіяся ему сочиненія извѣстнаго писателя Жакъ-Пьерръ-д'Ансильйона, воспитателя при наслѣдникѣ прусскаго престола. Переводъ оконченъ былъ только къ началу времени ректорства Филарета. Теофилактъ его исправилъ и приготовилъ къ печати, подъ заглавіемъ „Эстетическія разсужденія Ансильйона“³⁾. Эти „разсужденія“, назначавшіяся имъ въ число руководствъ по классу словесности, какъ „занимающія между теоріями прекраснаго и высокаго весьма значительное мѣсто“, были проведены для напечатанія чрезъ гражданскую цензуру, безъ дозволенія

¹⁾ Чистовича „Руковод. дѣят. дух. просвѣщ въ Россіи“, стр. 63—76.

²⁾ „Христ. Чтеніе“ 1895 г., мартъ-апрѣль, стр. 285.

³⁾ Эти „разсужденія Ансильйона“ заимствованы изъ его „Melanges de litterature et de philosophie“, появившихся въ 1809 году.

Коммисіи Духовныхъ Училищъ, съ которою Теофилактъ не считъ нужнымъ справляться. При этомъ ему хотѣлось, чтобы на заглавномъ листѣ книги непременно было припечатано, что переводили ее студенты академіи подъ его руководствомъ. Новый ректоръ возсталъ противъ предполагаемаго изданія и—что самое главное—вмѣшательства въ него академіи. Филарету не хотѣлось, „чтобы въ заглавіи книги стояло имя студентовъ“. „Это была-бы первая книга, первый плодъ академіи, преобразованной,—основательно думалъ онъ,—и заключала-бы въ себѣ такъ много несогласнаго съ направлениемъ, приличнымъ духовной академіи“. На это указывали ректору „многіе даже свѣтскіе люди“. „Я,—разсказываетъ Филаретъ ¹⁾),—объяснялъ это митрополиту: тотъ говорилъ Теофилакту. Теофилактъ не соглашался оставить дѣло, не соглашался и выпустить книгу въ свѣтъ безъ имени студентовъ академіи“. Такимъ образомъ выпускъ книги затянулся до 1813 года, когда она, по настоянію Теофилакта, все-таки была выпущена, подъ такимъ полнымъ заглавіемъ: „Эстетическія разсужденія г. Ансильйона, Члена Королевской Академіи наукъ въ Пруссіи. Переведены съ французскаго языка г.г. студентами С.-Петербургской духовной академіи, въ пользу любителей прекраснаго и высокаго, подъ руководствомъ Синодальнаго Члена, преосвященнаго Теофилакта, архіепископа Рязанскаго. С.-Пб. Въ типографіи Іоаннесова. 1813 г. Цензоръ П. Тимковскій“. Тогда Филаретъ, по порученію митрополита, написалъ на эту книгу сильныя „примѣчанія“. въ которыхъ онъ, чтобы показать, „что академія не безъ разбора пріемлетъ мудрованія сего писателя“, „выступилъ противъ легонькой, пикантной французской болтовни ея автора во всеоружіи своей тяжеловѣсной учености и діалектики. разбилъ ее въ пухъ и прахъ и завинилъ въ неправославіи.

¹⁾ „Правосл. Обзорніе“ 1868 г., № 8, стр. 514 515.



натурализмъ и пантеизмъ“¹⁾. Раздраженный Оеофилактъ написалъ съ своей стороны очень рѣзкія „возраженія“ на эти примѣчанія, при чемъ „унизился до личныхъ оскорбленій“. 4 октября 1813 года митрополитъ Амвросій внесъ „примѣчанія“ Филарета въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ, которая, устранивъ Оеофилакта отъ совѣщаній по этому дѣлу, и не принявъ его „возраженій“ въ уваженіе, признала дѣйствія его неправильными. Принятые Коммиссіей „примѣчанія“ Филарета были напечатаны въ количествѣ 600 экземпляровъ²⁾, и книга Ансильйона, согласно съ мнѣніемъ ея рецензента, была запрещена для академіи³⁾. Но съ такимъ опредѣленіемъ Коммиссіи (т. е. собственно двухъ ея членовъ—митрополита Амвросія и князя Голицына) не соглашались духовникъ Криницкій и оберъ-священникъ Державинъ⁴⁾. По случаю произшедшаго несогласія, Голицынъ представилъ это обстоятельство на Высочайшее усмотрѣніе, и государь повелѣлъ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому запретить печатаніе „возраженій“ Оеофилакта⁵⁾. Вслѣдъ за тѣмъ (2 декабря 1813 года) оберъ-прокуроръ предъявилъ Св. Синоду Высочайшій указъ объ увольненіи преосвященнаго Оеофилакта во ввѣренную ему Рязанскую епархію, куда онъ и отправился въ половинѣ декабря. Незадолго передъ тѣмъ (23 ноября) внезапно скончался и его наперсникъ Леонидъ.

¹⁾ Знаменскій „Чтенія изъ исторіи русск. церкви за время царств. импер. Александра I“, стр. 18.

²⁾ См. переписку Филарета по поводу напечатанія ихъ въ „Русск. Старинѣ“ 883 г., стр. 47—49.

³⁾ „Письма Филарета къ роднымъ“, стр. 180—181.

⁴⁾ Чистовича „Руковод. дѣят. духов. просвѣщ. въ Россіи“, стр. 79—80.

⁵⁾ И. Корсунскаго „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета“ въ „Вѣрѣ и Разумѣ“ 1884 г., № 13. стр. 38.

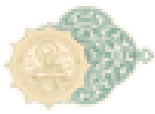


Такъ кончилась эта печальная во многихъ отношеніяхъ исторія „Эстетическихъ разсужденій Ансильйона,“ а съ нею вмѣстѣ и продолжительная интрига, вождемъ которой былъ Оеофилактъ и въ которую невольно втянутъ былъ князь Голицынъ съ покровительствуемымъ имъ Филаретомъ.

Почти въ одно время съ Оеофилактомъ оберъ-прокуроръ Синода объявилъ и преосвященному Меодію тверскому Высочайшее повелѣніе о возвращеніи его въ епархію. Личный составъ Св. Синода измѣнился. Изъ лицъ, засѣдавшихъ въ немъ при вступленіи князя Голицына въ должность синодальнаго оберъ-прокурора, одинъ осторожный и уклончивый Амвросій неизмѣнно оставался первоприсутствующимъ и долженъ былъ такъ или иначе приспособляться къ новому положенію вещей, пока не потерялъ терпѣнія и не почелъ за лучшее удалиться отъ кормила духовнаго правленія въ Новгородъ, и поселиться въ тѣхъ самыхъ Никитскихъ келіяхъ, въ которыхъ жилъ предшественникъ его митрополитъ Гавріиль. Это произошло 6 мая 1818 года. „При удаленіи,— разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Филаретъ, Амвросій потерпѣлъ въ Невской лаврѣ такія же неудовольствія, какія Гавріиль отъ него. Удаляясь въ Новгородъ, Амвросій хотѣлъ было взять съ собою нѣсколько портретовъ, между прочимъ портретъ князя Голицына. Но экономя сказать ему: портреты ваши, владыко святой, а рамки-то казенныя“ ¹⁾). Въ Новгородѣ онъ прожилъ не долго: 26 марта былъ уволенъ отъ управленія Петербургскою епархіей, а 20 мая скончался.

Въ біографіяхъ митрополита Амвросія обыкновенно сообщается, что поводомъ къ его удаленію отъ столичной епархіи послужилъ гнѣвъ императора Александра I за употребленіе

¹⁾ „Правосл. Обзоріе“ 1868 г. № 8.



имъ въ Крещенье 1818 года теплаго саккоса, опушеннаго горностаевымъ мѣхомъ (присвоеннымъ только лицамъ царской фамиліи) съ великокняжескихъ мантий, которыми были покрыты при погребеніи тѣла царскихъ дочерей Маріи и Елизаветы Александровнѣ, скончавшихся въ младенчествѣ и похороненныхъ въ Александро-Невской лаврѣ. „Но, конечно, — замѣчаетъ Чистовичъ, — это былъ только предлогъ къ его увольненію. Настоящая же причина заключалась въ непріятностяхъ его съ княземъ Голицынымъ, покровительствовавшимъ всѣмъ сектамъ, не исключая хлыстовщины. Затѣмъ учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и соединеніе въ одномъ управленіи и сопоставленіе въ одномъ ряду православной церкви не только съ христіанскими исповѣданіями, но и съ магометанствомъ, іудействомъ и язычествомъ, совершившееся безъ участія и даже безъ вѣдома первенствующаго русскаго іерарха, не могло не вызвать въ немъ огорченія, которое увеличило еще болѣе ихъ взаимную непріязнь. На сторонѣ князя Голицына была сила и власть и митрополитъ Амвросій сдѣлался ихъ жертвою“ ¹⁾). Справедливость этого замѣчанія вполне подтверждается свидѣтельствомъ одного изъ современниковъ тогдашнихъ событій-Вигеля. „Терпѣніе его, — говоритъ онъ о митрополитѣ Амвросіѣ, — истощилось, когда онъ увидѣлъ неисчислимыя раны, наносимыя господствующей вѣрѣ и онъ слегка началъ противоdѣйствовать совращеніямъ. Маститая старость его послужила Голицыну предлогомъ къ его удаленію. Для него отдѣлена Новгородская епархія, онъ сосланъ туда и, удрученный лѣтами, вскорѣ угасъ тамъ въ горести“ ²⁾).

¹⁾ Чистовича „Руковод. дѣят. духовн. просвѣщ. въ Россіи“, стр. 183 — 184.

²⁾ „Записки Вигеля“, ч. VI, гл. 3, стр. 36.



Настала, значитъ, вторая половина царствованія императора Александра I, время реакціи прежнему либеральному направленію въ правительственныхъ сферахъ, время сильнаго развитія религіознаго мистицизма.

Свящ. *Н. Степанецкій.*

(Продолженіе будетъ).